

27 ОКТ 19...

г. Москва

Газета № ...

СЛУЖИТЕЛЬ ТРЕХ МУЗ

В СЕ НАЧАЛОСЬ С ТЕАТРА. Пятьдесят пять лет назад ученик наборщика московской типолитографии Михаил Жаров случайно попал на сцену оперного театра Зимина. Шла опера «Капитанская дочка» Ц. Кюи по повести Пушкина. В толпе статистов он изображал одного из пугачевцев.

Через некоторое время после этого дебюта в театре Михаил Жаров получил свою первую роль в кино — в свите Ивана Грозного (его играл Шаляпин) одного из опричников.

С той поры он служит сразу двум музам. Сколько прекрасных образов создано в искусстве этим замечательным мастером за полвека сценической и кинематографической жизни!

Как-то мы уговорились с ним, что я расскажу читателям «Известий» об одном его дне. С самого раннего утра и до конца дня. И вот этот день настал...

— Михаил Иванович, с чего он начался?

— Со снов! Какие сны снятся актеру? — Актерские! Приснилось мне сегодня, будто бы меня вернули из Малого в Камерный театр. Хожу и переживаю. Вечером надо играть в «Оптимистической трагедии» роль Алексея, а я и слова уже забыл: сколько лет прошло! Малый театр — вот мой родной дом!

...Этим утром, что бы ни делал Михаил Иванович — разговаривал ли с дочками, с женой, рассеянно ли перебирал книги (любимое занятие!), отвечал ли на телефонные звонки, все время мысли тянулись к товарищу по Малому театру Владимиру Александровичу Владиславскому.

— Он был необыкновенно интересным артистом и человеком. Мы с ним сошлись на любви к книгам. Но у него была еще одна страсть: он собирал все о театре — театральные анекдоты, притчи, миниатюры, шутки, разговоры. Уникальное собрание! Надо бы его издать... Однажды в Берлине у нас была встреча с западноберлинскими артистами. Кто-то из них с па-

фосом стал читать монолог из «Фауста». После этого в воздухе повисла какая-то неловкая пауза. Нам надо было что-то ответить, но не монологами же! И вот тогда Владиславский стал рассказывать свои миниатюры. С блеском, тонко, с изысканным и теплым юмором. И в этих миниатюрах, конечно, в совсем другой форме, чем в «Фаусте», речь шла о творчестве, о жизнеутверждающем взгляде на мир... Я помню, как восторженно аплодировали немецкие актеры Владиславскому...

День у Михаила Ивановича, о котором идет речь, был вроде бы простым, обычным. Вечером — пьеса К. Симонова «Так и будет», днем — отдых перед спектаклем, а утром...

Оно было до предела загруженным. Рабочее утро началось со звонков директора-распорядителя Центрального Дома актера Александра Моисеевича Эскина. Жаров — общественный директор этого Дома.

Михаил Иванович едет в Центральный Дом актера. По пути — в театр: он секретарь партийной организации Малого театра, надо встретиться с партгором одной из цеховых организаций.

А в Доме актера его ждут еще и журналисты: ведь Михаилу Ивановичу 27 октября — семьдесят лет.

Телефонные звонки его преследуют и здесь.

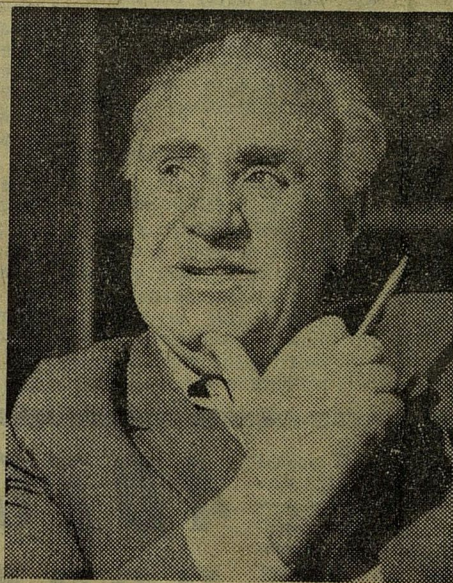
— Кто это? Оля из комитета комсомола ТАСС? А что вы хотите, Оленька? Любители театра думают создать «Клуб театральных встреч»? Это интересно. Надо сговориться и как-нибудь встретиться... Конечно, помогу...

А потом, положив трубку, задумчиво говорит:

— Понимаете, «Клуб театральных встреч». Не кино, а именно театральные! Я вообще замечаю тенденцию — жажду живого общения. Нет, что бы ни говорили, а театр — бесценен. Живого общения артиста со зрителем никогда ничем другим не заменишь!

Михаилу Ивановичу пора отдыхать перед спектаклем. Мы расстаемся с ним до вечера. Но я знаю, что отдыхать он будет с книгой. Наверное, любимый Шекспир?

— Нет, на сегодня — детектив.

— Детектив?

— Читать детективы меня приучил Л. Трауберг, знаменитый собиратель литературы подобного рода. Он искал в ней сюжетные ходы, развивал свое «сюжетное мышление». Он — сценарист и режиссер, а я — актер. Зачем мне-то сюжетное мышление? А вот зачем: ассоциации, которые возникают при чтении детективов, приключенческих книг, вдруг совершенно неожиданно помогают отыскивать пружину действия моего персонажа. Ведь актеру на сцене надо обязательно действовать, да к тому же еще захватывающе для зрителей. Детектив и подсказывает какие-то живые, неизбитые ходы. Ну, а если он еще и отлично написан, с настоящим литературным мастерством, то принесет истинное удовольствие...

И ВОТ ВЕЧЕР. Закрыты еще двери театров. У подъезда освещена афиша — К. Симонов «Так и будет». Михаил Иванович уже в театре, сидит, скинув пиджак, за гримировальным столиком в сиянии зеркал. Остро пахнет лаком: ему приклеивают профессорскую бородку, усы. Штрих за штрихом — на глазах меняется человек. И хотя в нем все же осталось нечто жаровское — неуемность, добродушие, нетерпеливость, своеобразный тембр голоса, живые голубые глаза — и все же перед нами уже не Жаров, а профессор Воронцов. Но чего-то ему не хватает, чтобы он зажил? Сцены, зрителей!...

— Актерские темпераменты разные, — говорит Жаров, — по-разному каждый входит в образ. Один сидит в гримуборной до последнего мгнове-

ния. Его несколько раз зовут. Наконец вбегают встревоженный помощник режиссера: «Ваш выход!». Актер мчится на сцену — и словно «вбегает в образ». Раньше, когда в милости были «рычальные» страсти, бывали и такие актеры, которым надо было потрясти «в ярости» старые декорации за кулисами, а потом на сцену — громово: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?»...

...А о себе молчит. Я же не докучаю вопросами (мы договорились, что «меня здесь нет»). Щелкнул репродуктор: «Добрый вечер, товарищи! До начала спектакля осталось пятнадцать минут...» И в комнату ворвался волнующий шум зрительного зала.

— Ну, пошли на сцену!

По дороге Михаил Иванович смотрит что-то на доске объявлений, здоровается с коллегами, останавливается, чтобы перекинуться двумя-тремя словами. Вот и заветная дверь на сцену. Тихо, для меня, чтобы я тоже волновался:

— В эту дверь на сцену выходили Шепкин, Ермолова...

На слабо освещенной сцене, по сумеречным комнатам, поставленным на круге, он ходит как хозяин:

— Что делает на сцене актер первым делом? — говорит мне. — Проверяет: все ли на месте? Так. Пиджак? Футляр от очков? Альбом?.. Вот — фотографию в него положили для меня неудобно. Надо переложить. Так. Галстук не совсем на месте... Вот теперь все в порядке!

Я устраиваюсь за кулисами. А он уходит куда-то в сумерки сцены. Говорит с актерами. Ждет.

Но вот где-то возникла мелодия, ширятся волны музыки «Вставай, страна огромная...» Спектакль начался. Освещается сцена и полупрозрачный занавес с десятками ждущих окон. Он поднимается, чтобы поведать историю, происшедшую давным-давно за одним из этих окон.

Стремительно прошла по сцене дочь Воронцова Оля (Н. Корниенко). И вышел Жаров — Воронцов. Будничный, погруженный в раздумья. Где-то возникла нота щемящая, а потом и чуткая, светлая, чуть задумчивая мелодия.

И притих зал. Вроде бы простая история тех военных лет развертывается на сцене. В квартире бывшего инженера — мостостроителя Савельева, уехавшего в начале июня 1941 года отдыхать и так и не вернувшегося в Москву, вселила семья академика архитектуры Федора Александровича Воронцова. Но вот неожиданно появляется в квартире Савельев. Теперь он инженер-полковник. В Москве он проездом...

Идет сцена за сценой. И на этом маленьком островке мирной жизни, по которой так истосковались солдаты, оживают простые и безыскусные, полные высокого смысла картины. И возникает в спектакле светлый и поэтический образ дома, страны род-

ной, родства и духовной близости советских людей...

Сочно, по-жаровски, с юмором лепит образ старого и неугомонного профессора архитектуры Михаил Иванович. Вроде бы бытовые сцены, реченные и поставленные традиционно (режиссер Л. Варпаховский), но как привлекателен этот процесс проникновения в психологию образа, как исподволь ведет нас актер в его глубины, как удивительно тонко показывает мир своего героя. И не в этом ли постижении характеров волшебство театра?

...В перерыве Михаил Иванович говорит:

— Когда мы брали пьесу, раздавались голоса, что, мол, пьеса устарела, архаична. А мне она кажется удивительно современной, согретой большими, искренними чувствами.

Пожалуй, именно эти черты более всего определяют образ Воронцова у Жарова. Простота и искренность Кан, впрочем, и другие образы спектакля — Оли (Н. Корниенко), тети Саши (Е. Шатрова), Савельева (Г. Куликов), Анны Греч (Е. Солодова)...

В эти же минуты антракта Михаил Иванович просматривает почту. Пишут воспитатели из колонии, приглашают на диспут «Что такое настоящий человек?». Разговаривает о Брехте с режиссером Марианной Евгеньевной Турбиной (театр думает ставить пьесу «Дни Коммуны»).

Но вот перерыв закончен, и вновь зовут на сцену. Продолжается спектакль, а Жаров стоит за кулисами и по-отечески ласково смотрит, как «ведет» сцену Н. Корниенко. Удовольствием улыбается: «Люблю эту актрису. Чудная актриса!».

...Завершается спектакль. Зрители видят яркое, зовущее, ждущее солдат окно и на его фоне четкий силуэт Ольги. Звучат жизнеутверждающие слова: «Так и будет!». Будет мирное синее небо, нежная зеленая трава, ласковые, теплые руки, открытые сердца друзей...

Вот и закончился этот такой трудный и такой обычный день. День, целиком отданный Жаровым театру. Его первой любви. Впрочем, не совсем закончился. Актеров просят не расходиться: будут телевизионные съемки последнего акта.

Михаил Иванович устало улыбается:

— Ну, вот — свои права предъявляет третья муза — телевидение.

Съемки завершаются глубокой ночью. Я ухожу из театра и уношу с собой слова Жарова:

— Я — человек счастливый. Мне повезло. Встречая на улице незнакомых людей, я вижу, как теплеют их глаза, как улыбаются они... Для меня это высшая награда — приносить людям радость. Ради этого стоит жить и работать!...

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.